

На правах рукописи

Тяпкин Михаил Олегович

**ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЛЕСООХРАННАЯ ПОЛИТИКА
В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В XVIII – НАЧАЛЕ XX в.**

07.00.02 – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Томск – 2017

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Зиновьев Василий Павлович

Официальные оппоненты:

Шиловский Михаил Викторович, доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, сектор истории второй половины XVI – начала XX в., заведующий сектором

Шахеров Вадим Петрович, доктор исторических наук, профессор, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный университет», кафедра истории России, профессор

Гололобов Евгений Ильич, доктор исторических наук, доцент, бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Сургутский государственный педагогический университет», проректор по научной работе; кафедра социально-гуманитарных дисциплин, профессор

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет»

Защита состоится 29 декабря 2017 г. в 14 час. 30 мин. на заседании диссертационного совета Д 212.267.03, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет», по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина 36 (учебный корпус № 3 ТГУ, аудитория 27).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке и на официальном сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет» www.tsu.ru.

Материалы по защите диссертации размещены на официальном сайте ТГУ: <http://www.ams.tsu.ru/TSU/QualificationDep/co-searchers.nsf/newpublicationn/ТуаркинМО29122017.html>

Автореферат разослан «__» октября 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Шевцов Вячеслав Вениаминович

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. Необходимым и неотъемлемым элементом системы рационального природопользования является наличие научно обоснованной государственной лесоохранной политики, которую можно определить как совокупность принципов, нормативных предписаний, организационных мероприятий в сфере охраны лесов от самовольных порубок, пожаров и иных негативных факторов, имеющих природное или антропогенное происхождение, реализация которых должна создавать условия для развития лесной отрасли, сохранения биологического разнообразия и защиты прав собственника леса от посягательств на его имущество.

На протяжении трех столетий существования отечественного лесного хозяйства направление его развития менялось неоднократно, но неизменным оставалось колоссальное значение лесных ресурсов для социально-экономического развития нашей страны. Успешная реализация государственной лесной политики на современном этапе немыслима и невозможна без использования накопленного исторического опыта.

Изучение истории формирования государственной лесоохранной политики и процессов ее реализации на примере Западной Сибири имеет несомненный научный интерес. Лесоохранная деятельность была одним из главных направлений деятельности хозяйствующих субъектов государства. Изучение этой сферы деятельности государства позволит более полно представить картину хозяйственного освоения региона.

Степень изученности темы. До сих пор не проводилось комплексного научного исследования, в котором бы был показан генезис государственной лесоохранной политики в масштабе всей страны и процесс ее реализации на примере одного из важнейших в лесохозяйственном отношении регионов – Западной Сибири.

Цель диссертационного исследования заключается в выявлении содержания, сущности, характера и эволюции государственной лесоохранной политики России, а также характеристике способов ее реализации в Западной Сибири в XVIII – начале XX в.

Для реализации поставленной цели необходимо выполнить ряд **задач**:

– проследить историю изучения государственной лесоохранной политики в дореволюционной, советской и современной историографии, и провести источниковедческий анализ изучаемой темы;

– показать условия и процесс формирования государственной лесоохранной политики России в начале XVIII в.;

– рассмотреть генезис государственной лесоохранной политики Российской империи на протяжении конца XVIII – начала XX в.;

– определить основные направления трансформации государственной лесоохранной политики в период революций и смены политического режима в 1917–1918 гг.;

– показать процесс формирования и особенности казенной и кабинетской организационно-правовых форм лесоохранной деятельности в Западной Сибири в дореволюционный период;

– проанализировать влияние революционных событий, гражданской войны и смены политической власти в регионе на изменение содержания регионального аспекта государственной лесоохранной политики;

– дать характеристику способам и формам реализации основных направлений государственной лесоохранной политики в Западной Сибири в XVIII – начале XX в. на примере охраны лесов от самовольных порубок и пожаров;

– дать правовую и социальную характеристику самовольной порубки леса, как наиболее распространенного вида нарушения законодательства об охране лесов;

– дать оценку процессу и способам реализации государственной лесоохранной политики в Западной Сибири на протяжении всего рассматриваемого периода.

Объектом исследования является государственная политика в области охраны природных ресурсов, существовавшая в России на протяжении XVIII – начала XX в.

Предметом исследования является государственная лесоохранная политика и ее реализация в Западной Сибири в XVIII – начале XX в.

Хронологические рамки работы охватывают период с XVIII в., т.е. начала активной деятельности Петра I по формированию государственной лесоохранной политики до конца 1919 г., когда на территории Западной Сибири была окончательно установлена советская власть, что повлекло за собой смену парадигмы, основанной на принципе общенародной собственности на природные ресурсы.

Территориальные границы исследования охватывают Западную Сибирь, включающую в себя Томскую и Тобольскую губернии. Здесь присутствовали все необходимые условия для развития лесного хозяйства и реализации лесоохранной политики. Специфика региона заключалась в то, что в его границах сосуществовали две системы лесного хозяйства: «казенная» – в лесах, принадлежащих государству и находящихся в ведении Лесного департамента; «кабинетская» – в пределах Колывано-Воскресенского, затем Алтайского (горного) округа, находящегося в ведомстве Кабинета Его императорского величества (далее – Кабинет). Эти две системы, находясь в непосредственном соседстве и взаимодействии, развивались разными темпами и, зачастую, на разных правовых основаниях. В послереволюционный период начинается процесс унификации двух лесохозяйственных систем с одновременной трансформацией административно-территориального устройства.

На защиту выносятся следующие положения диссертационного исследования:

1. Государственная лесоохранная политика является самостоятельной разновидностью государственной политики. Исторический аспект лесоохранной политики требует внимательного изучения. Лесная политика может быть только государственной, поскольку исходит от государства и реализуется посредством деятельности уполномоченных государством органов, отвечающих за эксплуатацию природных ресурсов.

2. Формирование государственной лесоохранной политики началось одновременно с деятельностью Петра I по повышению обороноспособности страны. Строительство военного и торгового флота потребовало большого количества ценной корабельной древесины, обеспечение сохранности которой было объявлено задачей государственной важности. Государственная лесоохранная политика формировалась путем принятия соответствующих нормативных актов, а реализация осуществлялась специально создаваемыми органами.

3. Трансформации государственной лесоохранной политики на протяжении всего дореволюционного периода происходили в тесной зависимости от взглядов монарха и правительства на роль лесных ресурсов в общегосударственном хозяйственном механизме на том или ином историческом отрезке времени.

Основной задачей государственной лесоохранной политики на всех исторических этапах являлось обеспечение сохранности лесов с целью формирования рационального лесного хозяйства. При этом проблемой реализации государственной лесоохранной политики в рассматриваемый период являлось преобладание эксплуатации лесов над их охраной.

4. Региональный аспект лесоохранной политики сформировался под влиянием нескольких факторов. Сибирские леса, принадлежавшие государству, не представляли на протяжении всего XVIII и первой половины XIX в. хозяйственного интереса в силу своей труднодоступности. Исключением являлись лишь леса, приписанные к Колывано-Воскресенским (Алтайским) горным заводам. Эти лесные массивы рассматривались как необходимый элемент горно-металлургического производства. Специфика Западной Сибири предопределялась не только природными условиями произрастания лесных массивов, но и существованием в регионе двух лесохозяйственных систем.

5. Процесс формирования региональной лесоохранной политики в казенных лесах Западной Сибири начинается во второй половине XIX в. и связан с появлением специализированных административно-хозяйственных органов.

6. Основными направлениями реализации государственной лесоохранной политики являлись охрана лесов от самовольных порубок и лесных пожаров – опасного стихийного бедствия.

7. Вне зависимости от политической конъюнктуры, лесоохранная деятельность всегда рассматривалась государством в качестве первоочередной задачи. Главным результатом реализации лесоохранной политики стало сокращение числа самовольных порубок и лесных пожаров, а также обеспечение роста доходности лесозаготовки.

Методология и методы исследования. Применение в качестве парадигмы научного исследования теории модернизации позволяет изучить генезис государственной лесоохранной политики и процесс ее реализации во всех проявлениях. Процесс развития лесного хозяйства представляет собой постоянную модернизацию, заключающуюся в постепенном переходе от примитивного лесопользования в докапиталистический период до

коммерциализации лесной отрасли и возникновения лесной индустрии в период господства капиталистических отношений. При этом возникает опасность нарушения баланса между изъятием, сохранением и восстановлением (возобновлением). Процесс модернизации лесного хозяйства должен сопровождаться разработкой государственной лесной политики, основной задачей которой становится формирование принципов устойчивого лесопользования.

Теория устойчивого лесопользования, применяемая нами в качестве теории среднего уровня, (Г.Ф. Морозов) предполагает формирование и реализацию комплекса организационных и хозяйственных мероприятий, обеспечивающих не только непрерывную лесозаготовку, приносящую прибыль, но лесовозобновление и лесоохрану.

Социокультурные аспекты лесоохранной деятельности, связанные, в первую очередь, с особенностями экологического сознания населения, были изучены нами с привлечением методологии энвайронментализма в рамках экологической истории. Изучая историю хозяйственной деятельности, мы обязаны учитывать особенности восприятия природных объектов в массовом и индивидуальном сознании.

Разработка темы диссертационного исследования базировалась на трех важнейших методологических принципах научного познания: системности, историзма и объективности, что позволило сформировать целостную картину изучаемого явления. Необходимо также отметить, что изучаемая нами тема носит ярко выраженный полидисциплинарный характер, в связи с чем ее всестороннее изучение возможно лишь в рамках междисциплинарного подхода с учетом научных достижений истории, правоведения, лесоводства, социальной экологии, экономики.

Решение сформулированных в диссертационном исследовании задач осуществлялось путем использования философско-логических (анализ, синтез, дедукция, индукция, обобщение, аналогия, классификация и метод статистического анализа данных) и специально-исторических методов и приемов познания (историко-сравнительный, историко-типологический, историко-генетический (ретроспективный), историко-правовой (метод сравнительного правоведения)).

Степень достоверности результатов проведенных исследований. Достоверность сформулированных в диссертационной работе выводов подтверждается использованием основных концептуальных положений и результатов изысканий, проводимых представителями исторической, правоведческой, лесоводческой науки, опорой на широкий круг исторических источников с высокой степенью репрезентативности, а также применением общенаучных и специально-исторических методов исследования.

Научную новизну диссертации определяет то, что она является первым комплексным монографическим исследованием, в котором на основе разнообразного исторического материала рассмотрена эволюция государственной лесоохранной политики и ее реализация в Западносибирском регионе в XVIII – начале XX в.

Теоретическая значимость работы определяется комплексным подходом к рассмотрению истории формирования и реализации государственной лесоохранной политики на примере Западной Сибири в дореволюционный период. Данное исследование может способствовать дальнейшей теоретической разработке основных принципов государственной лесной политики на современном этапе с учетом отечественного исторического опыта.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты могут быть востребованы при подготовке научных исследований по истории хозяйственного освоения Сибири. Материалы диссертации можно использовать в процессе преподавания истории Сибири, истории лесного хозяйства, истории лесоохранного законодательства, истории отечественного государства и права, экологического права и т.д. Кроме того, выводы, содержащиеся в работе, могут учитываться в природоохранной деятельности в наши дни.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на *международных конференциях*: «Приоритетные направления развития правового государства» (Барнаул, 2008), «Наследие российской государственности» (Барнаул, 2012), «150-летие принятия земской и судебной реформ Александра II» (Уфа, 2014), «Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями» (Барнаул, 2016, 2017), «Государство и право в эпоху глобальных перемен» (Барнаул, 2017); *всероссийских конференциях*: «Актуальные вопросы истории Сибири» (Барнаул, 2007, 2009, 2015), «Экономическая история Сибири XX века» (Барнаул, 2006, 2009), «Актуальные проблемы экономической безопасности в условиях современной России» (Оренбург, 2007), «Памяти выдающегося исследователя Севера Западной Сибири лесоведа А.А. Дунина-Горкавича» (Ханты-Мансийск, 2008), «Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений» (Барнаул, 2016), «Правовая пропаганда: теория и практика» (Барнаул, 2017), «Российское государство и право: история, современность, перспективы» (Москва, 2017), «Актуальные проблемы социально-гуманитарных и историко-правовых исследований» (Барнаул, 2017); *региональных и межрегиональных конференциях и «круглых столах»*: «Представительная и законодательная власть: история и современность» (Барнаул, 2010), «Добровольная пожарная охрана: истоки, проблемы, перспективы» (Санкт-Петербург, 2012), «Алтай и Первая мировая война» (Барнаул, 2014), «Роль Алтайского края в экологическом каркасе Российской Федерации» (Барнаул, 2017).

Предварительные выводы сделаны в рамках участия в мега-проекте «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ № 14.V25.31.0009 на 2013-2017 гг.).

Публикации по теме диссертации. По материалам диссертации опубликовано 40 работ, в том числе 15 статей в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть

опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (из них 5 статей в российском научном журнале, индексируемом Web of Science), 2 монографии, 4 статьи в научных журналах (из них 1 статья в зарубежном научном журнале), 1 статья в сборнике научных трудов, 18 статей в сборниках материалов международных и всероссийских научных и научно-практических конференций; составлено 2 сборника нормативных документов.

Структура работы. Диссертация объемом в 554 страницы, состоит из введения, пяти глав, заключения, списка принятых сокращений, списка использованных источников и литературы, четырнадцати приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **введении** обосновывается актуальность темы, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи, определяется степень изученности темы, обозначаются хронологические и территориальные рамки работы, характеризуется методологическая база диссертации, отмечается ее научная новизна и практическая значимость, формулируются положения, выносимые на защиту.

Первая глава «Опыт изучения истории государственной лесоохранной политики России и её источниковедческий аспект» состоит из двух параграфов.

Первый параграф «Историография государственной лесоохранной политики» содержит информацию об эволюции и содержании исследовательского интереса к изучаемой проблематике в отечественной науке на протяжении значительного отрезка времени с XVIII в. до наших дней.

До появления интереса к данной проблематике в середине XX в. у историков, основную роль в изучении закономерностей развития государственной лесоохранной политики играли лесоводческие и правоведческие исследования. Это обстоятельство потребовало включения в круг рассматриваемой литературы значительного количества исследований, которые можно разделить по хронологии на дореволюционные, советские и современные, с внутренним выделением ряда ключевых проблемно-тематических блоков.

Формирование отечественного лесоводства и лесоведения происходило на протяжении XVIII – начала XIX в. под существенным влиянием западноевропейской научной мысли и практики. Это был период, когда, по образному выражению Н.В. Шелгунова, русское лесное хозяйство было «одето в немецкий кафтан». Немногочисленные работы российских лесоводов первой половины XIX в. носили, в большей степени, справочный, нежели аналитический характер (Е.Ф. Зябловский, П. Дивов, П.А. Перелыгин, В. Семенов). Будучи адресованы служащим лесного ведомства и частным лесохозяевам, они содержали практические советы по ведению лесного хозяйства, в том числе реализации основных лесоохранных мероприятий.

По мере увеличения роли лесных ресурсов в экономическом механизме страны появляются лесоводческие исследования, основной задачей которых становится решение вопросов развития казенного лесного хозяйства, поиск

путей и способов его модернизации, интенсификации и повышения рентабельности (Г.Ф. Морозов, Ф.К. Арнольд, А.Ф. Рудзкий, М.М. Орлов, Н.В. Шелгунов, Н.С. Шафранов и др.). Основным недостатком системы государственного лесного хозяйства исследователи считали его экстенсивный характер, поскольку получаемые от лесоэксплуатации доходы лишь в незначительной степени шли на модернизацию лесной отрасли.

Отдельным направлением дореволюционной историографии являлась разработка вопросов правовой охраны лесов и истории лесного законодательства (В.В. Врангель, Н.В. Шелгунов, М. Романовский, С.В. Ведров, Д.Д. Шилов). Необходимо выделить монографическое исследование Н.И. Фалеева «Лесное право», ставшее квинтэссенцией теоретического осмысления процесса развития системы дореволюционного лесного законодательства и обозначившее начало формирования самостоятельной отрасли права. В этой работе также содержалось определение лесной политики государства как идеи о целесообразном ведении лесного хозяйства в индивидуальных, национальных и общечеловеческих интересах.

Близкими по содержанию к правоведческим исследованиям являлись руководства по применению норм лесного законодательства, в том числе в сфере охраны лесов (Ф.А. Гайковский, Н.С. Дерябин, Н. Неклюдов, Л.Х. Сабинин, Д.Д. Назаров). Эти работы сочетали в себе черты монографических исследований и справочников и демонстрировали реальную картину правоприменения. Они дают представление исследователям о проблемах, стоявших перед практическими работниками при реализации законодательных положений об охране и защите лесов.

Общая интенсификация хозяйственной жизни Сибири, формирование системы лесоуправления и включение региональной лесной отрасли в общегосударственную систему в последней четверти XIX в. вызвали увеличение интереса в профессиональном лесоводческом сообществе к проблемам сибирского лесного хозяйства. Сибирь с ее колоссальными лесными богатствами постепенно «открывалась» для жителей европейской части страны. В изданиях, носящих характер документальных публикаций, содержались аналитические разделы, дававшие оценку состояния лесного хозяйства (З. Вольский, П. Головачев, Н. Коновалов, Ф.М. Краев, П.Н. Крылов, А.П. Седельников). К этой же категории можно отнести отчеты и обзоры деятельности центральных учреждений, юбилейные издания, отчеты и доклады государственных чиновников о поездках в Сибирь, публикации в связи с переселенческим вопросом и строительством железной дороги.

Существуют также исследования, более приближенно рассматривавшие лесоохранные аспекты деятельности государства в Западной Сибири. Авторами большинства из них являлись представители сибирской лесной администрации (А.А. Дунин-Горкавич, П.И. Кораблев, А.А. Строгий, В.А. Энгельфельд). Общая заслуга этих работ заключалась в развенчании мифа о неисчерпаемости лесных ресурсов Сибири, привлечении внимания к проблемам сибирского лесного хозяйства и предложении вариантов их разрешения, хотя бы на региональном уровне.

Реализация государственной лесной политики осуществлялась в тесной связи с существовавшей в Сибири системой общинного земле- и лесопользования и системой обычного права. Изучением этих аспектов в дореволюционный период занимались П.А. Голубев, С.П. Швецов, С.Л. Чудновский, А.А. Кауфман, Н.М. Ядринцев, Н. Костров, Н. Новомбергский.

Важнейшим итогом изучения теоретических и практических вопросов лесной политики в дореволюционный период становится признание особой роли лесных ресурсов для народного хозяйства и благосостояния населения. Большинство исследований в этой сфере были посвящены общероссийской проблематике, региональный же аспект становится предметом изучения относительно поздно, что было обусловлено объективными причинами уровня развития лесного хозяйства в Сибири.

После революционных событий начала 1917 г., повлекших за собой изменение политического режима, в профессиональной среде и на страницах печатных средств массовой информации началось активное обсуждение вариантов будущей модели российского лесного хозяйства и новых принципов лесной политики (С.А. Богословский, Н.А. Кузнецов, Г.Ф. Морозов, Д.К. Сажин, Н.И. Фалеев). Дискуссии вокруг сущности советской лесной политики достаточно активно велись до второй половины 1920-х гг. Но после того, как лесное хозяйство окончательно было подчинено интересам лесной промышленности, приоритетом его развития стал тезис о максимально широкой эксплуатации природных лесных ресурсов. Теоретические разработки и взгляды Г.Ф. Морозова, М.М. Орлова, С.А. Богословского на сущность лесного хозяйства были объявлены «насквозь буржуазными» и преданы забвению. Основой лесоэксплуатации становится принцип изъятия у природы необходимого количества ресурсов. Потребность в разработке теоретических положений государственной лесной политики отпала, сам термин вообще был исключен из научного оборота, результатом чего стало отсутствие комплексной разработки данной проблематики, в том числе ее исторического аспекта, на протяжении всего советского периода.

Исследования профессиональных лесоводов 1920–1940-х гг., в которых находили отражение исторические аспекты лесного хозяйства, проходили под влиянием новых идеологических установок и были направлены на реализацию задачи по распространению среди населения мысли о том, что предложенная советской властью модель лесоуправления, лесопользования и лесоохраны во всех отношениях лучше, чем существовавшая в царской России (С.Ф. Ключников, Е.И. Покровский, В. Сперанский, А. Татауров). Как справедливо отмечает А.И. Рыбалкин, «советское правительство не было заинтересовано в объективной оценке и сравнительной характеристике процессов преобразований в лесном ведомстве в дореволюционный и советский период, поэтому такие исследования не стимулировались»¹.

Вплоть до начала 1990-х гг. специальных лесоводческих исследований, посвященных изучению сущности и эволюции государственной лесной

¹ Рыбалкин А.И. Историография проблемы лесного управления в Российской империи (с 1917 г. по настоящее время) // Вестник Воронежского государственного аграрного университета. 2013. № 3 (38). С. 270.

политики, не проводилось. Некоторые исторические аспекты, выполнявшие роль введения к основному материалу, затрагивались в обобщающих работах по лесному хозяйству страны, края, области (Л.Н. Грибанов, Г.В. Крылов, Н.Г. Салатова, Б.М. Перепечин, В.П. Цепляев). Дореволюционный период развития лесной отрасли рассматривался в них поверхностно, с ярко выраженной идеологической направленностью, поэтому об объективности оценок говорить не приходится.

Отдельное направлением научных интересов советских лесоводов стало изучение процессов освоения лесных земель и изменения лесистости (М.А. Цветков, И.А. Григоращенко, А.А. Молчанов, И.С. Михайлов). Основными причинами сокращения лесистости в разных частях страны авторы называют повышенную хозяйственную нагрузку, «увеличение количества сельского населения, при весьма слабо прогрессирующей агротехнике», а также «эгоистические интересы частных собственников лесов и лесопромышленников»².

Тематика истории земельно-лесного хозяйства, в качестве одного из сюжетов, появляется, начиная со второй половины XX в., в исторических исследованиях, посвященных изучению аграрной истории (Л.М. Горюшкин, М.В. Шиловский, Г.П. Жидков, И.А. Асалханов, Т.П. Прудникова, Л.Г. Сухотина, А.А. Храмков, А.Т. Топчий, И.А. Якимова, В.И. Пронин, М.В. Дорофеев, Г.А. Бочанова, Н.В. Иванченко, Н.А. Миненко, Ю.В. Олейникова, Е.И. Соловьева). Начало предметного изучения дореволюционного земельно-лесного хозяйства Сибири в исторических исследованиях было положено в 1970–1980-х гг. усилиями Л.М. Горюшкина. В своих работах он рассматривал вопросы развития лесного хозяйства в контексте государственной аграрной политики, увязывая их с историей поземельных отношений в регионе. Подход к рассмотрению истории сибирского лесного хозяйства через призму лесозэксплуатации был предложен В.Н. Худяковым. История земельно-лесное хозяйства казны впервые в отечественном сибиреведении стало предметом монографического исследования в работах В.И. Пантелеева³.

Преобразования, начавшиеся в разных сферах жизни общества после распада СССР, спровоцировали интерес научного сообщества к обсуждению вопросов национальной лесной политики, в том числе в исторической ретроспективе. Начала складываться новая историографическая ситуация, характеризующаяся значительным расширением круга исследуемых вопросов.

Исторический аспект становится популярным направлением лесоводческих исследований, проводимых как на общероссийском, так и региональном материале (Р.В. Бобров, В.Н. Петров, Н.А. Моисеев, Г.И. Редько, Р.В. Бобров, Д.М. Гиряев).

Первым историческим исследованием, в котором лесная политика стала самостоятельным объектом изучения, стала диссертация И.В. Лебедева⁴. Он

² Цветков М.А. Изменение лесистости Европейской России с конца XVII столетия по 1914 год. М., 1957. С. 201.

³ Пантелеев В.И. Земельно-лесное хозяйство казны в Сибири в период капитализма : дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 1987

⁴ Лебедев И.В. Лесная политика советского государства: исторический опыт и проблемы : дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

рассматривает советскую лесную политику как учение об отношении государства к лесу и мотивах этого отношения и как совокупность государственных мероприятий, направленных на осуществление тех или иных целей, стоящих перед лесной отраслью. Представитель историко-географического направления Э.Г. Истомина первой в отечественной исторической науке ввела в оборот понятие «лесоохранительная политика», рассмотрев ее на примере эволюции «лесного вопроса» в Российской империи⁵.

В работах сибирских историков в 1990-е гг. начинают появляться малоизученные сюжеты. Так, В.П. Зиновьев обращается к истории лесного хозяйства через характеристику развития лесной промышленности, лесных промыслов и лесной торговли. Т.Н. Соболева в это же время начинает изучение процессов формирования рыночных отношений и коммерциализации лесного хозяйства, а также форм и способов управления лесной отраслью Алтайского (горного) округа. Вопросам истории лесопользования и охраны казенных лесов Сибири были посвящены работы Т.А. Смирновой.

На рубеже XX и XXI столетий начинается новый этап изучения истории лесного хозяйства России и истории государственной лесной политики, что стало логическим продолжением наметившейся в предыдущие годы тенденции к изучению все еще недостаточно исследованной темы, а с другой, стимулировано не прекращавшимися реформами в сфере лесного хозяйства. Последнее обстоятельство стало причиной появления в последние годы целого ряда исследований специалистов в области экологического, лесного, природоресурсного, уголовного права (А.Ю. Пуряева, В.А. Манин, Э.С. Навасардова, О.В. Фролова, Ж.Б. Иванова, Д.Б. Чураков, С.С. Сутягин).

В новейших исследованиях профессиональных лесоводов история лесного хозяйства в масштабах страны или отдельно взятого региона, заняла достойное место (Г.И. Редько, А.С. Тихонов, А.И. Писаренко, В.В. Страхов, Ю.И. Манько, Н.А. Моисеев, И.В. Шутов, И.Р. Шегельман, Е.Г. Парамонов, В.А. Саета). Эти две группы авторов роднит одна общая целевая установка: изучение исторического опыта с целью преодоления сложившихся кризисных явлений, наблюдающихся в современной лесной отрасли.

Исторические аспекты затрагиваются также в работах, посвященных разработке новой государственной лесной политики современной России (Н.Е. Антонова, Н.М. Большаков, В.Н. Петров, А.И. Писаренко, В.В. Страхов, В.К. Быковский, А.С. Исаев, С.В. Мясников, А.П. Петров).

Среди современных историков, внесших наибольший вклад в изучение различных аспектов государственной лесной политики на общероссийском материале, можно назвать Э.Г. Истомину, А.И. Рыбалкина, В.В. Черных, Е.М. Лупанову, Н.П. Белоусову. Лесная политика рассматривается ими через призму социоестественной истории, эволюции лесопользования, системы лесопользования, лесоохраны и лесного законодательства.

В отечественном историческом сибиреведении на сегодняшний день наблюдается устойчивая тенденция возрастания интереса к изучению истории

⁵ Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII- начале XX века // Отечественная история. 1995. № 4. С. 34–51.

лесного хозяйства. В.П. Зиновьев продолжает изучение истории лесного хозяйства через призму промышленного развития. В одной из своих публикаций исследователь затронул такой малоразработанный вопрос как охрана казенных лесов Сибири от пожаров, показав их причины, динамику, способы противодействия и условия их повсеместного распространения, а также справедливо обратив внимание на неудовлетворительное состояние статистического учета.

Эволюция ведомственной системы эксплуатации природных ресурсов и лесоуправления, а также некоторые сюжеты лесоохранной деятельности Кабинета на Алтае были изучены Т.Н. Соболевой. К настоящему времени под научным руководством Т.Н. Соболевой защищены кандидатские диссертации П.А. Афанасьева, А.Е. Кухаренко, Е.А. Карпенко, М.О. Тяпкина, посвященные изучению различных аспектов истории земельно-лесного и арендного хозяйства Кабинета на Алтае. Разнообразные сюжеты из истории земельно-лесного хозяйства находили отражение и в работах других учеников Т.Н. Соболевой. Так, Д.А. Глазунов и Ю.Н. Москвитин, занимаясь изучением истории правоохранительной системы Алтайского округа, подготовили несколько публикаций по осуществлению государственными органами и общественными структурами лесоохранных мероприятий.

Среди исследователей, изучающих историю хозяйственного освоения Сибири, природопользование и охрану окружающей среды, в том числе лесных ресурсов в советский период, необходимо выделить Е.И. Гололобова. Ведение лесного хозяйства, лесозаготовка и лесоохрана рассматриваются им в контексте политики советского государства по освоению природных ресурсов севера Западной Сибири. Также необходимо отметить вклад Е.И. Гололобова в разработку методологических, историографических и источниковедческих аспектов изучения истории государственной экологической политики.

События периода 1917–1919 гг., связанные с изменениями в организации и осуществлении аграрной политики в Западной Сибири, трансформациями управления государственными имуществами, попытками решения земельного и лесного вопросов и другими актуальными сюжетами, имеющими отношение к государственной деятельности по охране лесных ресурсов, получили рассмотрение в исследованиях М.В. Шиловского, В.М. Рынкова, С.Н. Андреевкова, В.А. Ильиных, В.А. Саблина, В.И. Шишкина, С.Е. Полякова.

В рамках изучения истории общественного движения исследователями затрагивались вопросы проявления протеста крестьянского населения в виде самовольных порубок (Г.У. Бузурбаев, П.А. Бородкин, М.К. Ветошкин, А.А. Храмков, Л.М. Горюшкин). Новейшие исследования в области общественного движения в Сибири, например подготовленная коллективом исследователей Томского государственного университета хроника общественно-политической жизни Томской губернии в период с 1880 до конца 1919 г., содержат ценнейший материал, позволяющий рассматривать самовольные порубки леса крестьянами в контексте социальной активности населения в дореволюционный период и в первые послереволюционные годы.

Необходимо отметить, что междисциплинарное сотрудничество в рамках изучения истории государственной лесоохранной политики налажено крайне слабо. В результате подобной самоизоляции представителей разных научных направлений снижается эффективность исследовательской деятельности и не реализуется огромный потенциал междисциплинарных изысканий. В своей работе мы постарались подойти к изучаемому предмету комплексно и учесть наработки представителей разных наук.

Второй параграф «Источники по истории государственной лесоохранной политики России» содержит источниковедческий анализ изучаемой проблемы. В работе были использованы законодательные, делопроизводственные, статистические материалы, источники личного происхождения и периодическая печать.

Законодательные материалы отражают все изменения взглядов правительства на организацию лесоохранной деятельности. Массив законодательных материалов неоднороден и имеет внутреннее деление, в зависимости от уровня принятия нормативного акта (центральный или региональный), органа, издавшего нормативный акт (общегосударственное или ведомственное нормотворчество), вида нормативного акта (именные и сенатские указы, мнения Государственного совета, постановления, декреты). Основные законодательные источники дореволюционного периода представлены в трех Полных собраниях законов Российской империи, Своде законов Российской империи, Собраниях узаконений и распоряжений правительства разных периодов, а также отдельных тематических сборниках нормативных актов.

Одним из важнейших законодательных источников является Лесной устав, объединявший в себе все нормы, регулировавшие лесные правоотношения, и закреплявшие основные принципы государственной лесной политики. Всего в дореволюционный период последовательно действовало несколько редакций Лесного устава: 1802, 1842, 1857, 1876, 1893 и 1905 гг. В мае 1913 г. Лесным департаментом был подготовлен новый проект Лесного устава. Однако он, успев пройти процедуру рассмотрения в Государственной думе, не был введен в действие в силу трудностей военного времени.

Помимо общероссийского законодательства существовала система ведомственных нормативных актов, действие которых распространялось на определенную территорию («Правила по лесной части» Алтайского округа 1897, 1908 и 1911 гг., «Инструкция об управлении лесной частью на горных заводах хребта Уральского» 1830 г. и др.).

Большая группа законодательных источников представлена нормативными актами, определявшими порядок преследования лесных правонарушений. К ним относятся, прежде всего, уложения и уставы о наказаниях. В Алтайском округе в расширение этих нормативных актов издавались ведомственные правила, оговаривавшие особый порядок преследования преступлений против неприкосновенности кабинетского имущества.

Основная группа делопроизводственной документации представлена архивными материалами, отложившимися в Российском государственном

историческом архиве (г. Санкт-Петербург), Государственном архиве Российской Федерации (г. Москва), Российском государственном архиве экономики (г. Москва), государственных архивах Алтайского края (г. Барнаул), Томской, Тюменской (Государственный архив в г. Тобольске) и Омской областей.

Среди значительного массива делопроизводственной документации необходимо выделить исходящие от вышестоящих органов и адресованные подведомственным им учреждениям инструкции, предписания, распоряжения, циркуляры. Они носили императивный характер и представляли собой подзаконные акты, устанавливавшие и конкретизировавшие порядок применения законов.

Отдельным видом делопроизводственных источников является переписка. Между равными по статусу или не находящимися в соподчинении учреждениями и ведомствами, как на центральном уровне (министерства, департаменты), так и на местном (лесничества, суды, волостные правления) она производилась в форме отношений. Переписки нижестоящих учреждений с вышестоящими велась в виде рапортов, донесений, докладных записок, прошений и представлений. Переписка периода гражданской войны могла иметь ряд отличительных признаков: низкое качество бумаги, размещение текста на обратной (чистой) стороне дореволюционных бланков, писем, циркуляров, лаконичность изложения.

К массовым делопроизводственным источникам, имевшим четко определенную форму и обстоятельства происхождения, можно отнести протоколы о совершении лесонарушений, акты о лесных пожарах, постановления о наложении взысканий в административном порядке, ведомости, реестры, наблюдательные книги и другие материалы внутренней учетно-отчетной документации низовых лесохозяйственных структур (лесничеств или имений).

Специфическим источником являются материалы всероссийских и региональных съездов представителей земельно-лесной администрации и частных лесовладельцев, на которых обсуждались насущные проблемы ведения лесного хозяйства, лесоразведения, организации охраны лесов. Кроме материалов съездов нами были использованы протоколы и журналы совещаний и заседаний лесных советов управления Алтайского округа и управлений земледелия и государственных имуществ Тобольской и Томской губерний.

В работы широко представлены отчетно-статистические и справочно-описательные источники. Основную ценность представляют материалы ведомственной статистики, которые обобщались в Лесном департаменте и публиковались в виде ежегодных отчетов или публиковались в виде справочно-описательных изданий, составителями которых становились служащие Лесного департамента (Н.К. Генко, В.В. Фаас).

Среди периодических изданий необходимо выделить специализированные издания «Лесной журнал», «Журнал Министерства государственных имуществ», «Газета лесоводства и охоты», «Русское лесное дело», «Леса Республики». Авторами статей являлись ученые-лесоводы, лесовладельцы, представители лесной администрации, правоведы, не только обсуждавшие насущные вопросы ведения лесного хозяйства, но и пытавшиеся привлечь внимание общества к

проблемам лесной отрасли. Так называемому «лесному вопросу» в разные периоды времени много внимания уделялось на страницах массовых периодических изданий «Восточное обозрение», «Сибирская жизнь», «Сибирская речь», «Правительственный вестник», «Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни», «Сибирский листок», «Сибирь», «Сибирское слово», «Тобольские губернские ведомости», «Томские губернские ведомости», «Томский листок», «Жизнь Алтая».

К источникам личного происхождения относятся путевые заметки путешественников, посещавших Сибирь с частными или официальными визитами, (П.И. Небольсин, В.В. Сапожников, А.П. Чехов, Б.В. Струве, К. Оланьон), а также мемуары ученого-лесоведа и лесоустроителя К.П. Перетолчина, служившего на Алтае в первой четверти XX в. и горного инженера, управляющего Сузунским медеплавильным заводом, а затем барнаульского городского головы А.А. Черкасова.

Вторая глава «Генезис государственной лесоохранной политики России» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Зарождение и развитие государственной лесоохранной политики в России в XVIII в.» показаны причины и условия формирования государственной лесоохранной политики.

Складывание лесоохранной политики происходило в тесной зависимости и под влиянием объективных факторов и субъективных причин, важнейшим из которых стало стремление Петра I к повышению обороноспособности страны за счет строительства военного и торгового флота. В условиях возросшей потребности в древесине государство начало формирование и реализацию комплекса правовых и организационных мер по сохранению лесных ресурсов страны, который с течением времени трансформировался в государственную лесоохранную политику. Одной из важнейших черт лесоохранной политики дореволюционного периода являлась тесная зависимость ее содержания от взглядов монарха на эту сферу.

Законотворческая деятельность первого императора была направлена на выявление и сбережение лесов для кораблестроения, учреждение системы лесоуправления и введение рационального лесопользования. В основу политики Петра I были положены принципы преобладания государственных интересов над частными, обязательной безвозмездной службы дворян по надзору за заготовкой и охраной корабельных лесов (вальдмейстерская служба), ограничения свободного лесопользования, назначения суровых наказаний за рубку ценных деревьев.

К 1725 г. в Российской империи сложилась структура управления лесами, во главе которой находилась Адмиралтейств-коллегия, включавшая в себя обер-сарваерскую (кораблестроительную) и вальдмейстерскую (лесную) конторы. Вальдмейстеры находились при сплавных реках и имели внутреннюю субординацию в зависимости от гидрологического характера реки (вальдмейстеры малых рек и вальдмейстеры больших рек). В обязанности вальдмейстеров входило не только обеспечение доставки корабельного леса по рекам к судоверфям, но преследование лесонарушений.

Лесная политика приобретает новые черты, начиная со второй половины XVIII в. Важнейшими направлениями реформирования лесной отрасли во время правления Екатерины II стали восстановление прав частных лесовладельцев на собственные лесные дачи, постепенное освобождение дворян от обязательной лесной службы, а также постепенная коммерциализация казенной лесной отрасли. После разделения лесного фонда в 1782 г. на частные и казенные леса первые подлежали устройству и охране как казенное имущество, тогда как состояние частных лесов, освобожденных от правительственного надзора, полностью зависело от их владельцев.

Правление Павла I отмечено кардинальными переменами в сфере лесоуправления, что выразилось в учреждении специализированного органа – Лесного департамента (1798 г.) и передаче контрольно-надзорных функций в казенных лесах профессиональным лесоведам – форстмейстерам. На протяжении всего дореволюционного периода Лесной департамент оставался центральным органом государственного лесного управления. Несмотря на периодические модернизации различных сторон его деятельности, основные задачи по сохранению, умножению и рациональному использованию казенного лесного фонда оставались неизменными.

Второй параграф «Трансформации государственной лесоохранной политики России в XIX – начале XX в.» показывает, что основной заботой правительства в этот период становится формирование рентабельного казенного лесного хозяйства и превращение леса в источник постоянных доходов для государства. Развивается система лесных отпусков и продажи лесных материалов, устанавливаются лесные таксы, определявшие попенную (для деловой древесины) и посаженную (для дров) стоимость.

Важнейшими задачами, стоявшими перед лесным ведомством в начале XIX в., являлись приведение лесов в известность и разделение их на лесосеки, развитие лесопользования, лесной торговли, в том числе внешней, формирование системы лесоводческих учебных заведений. Лесоохранная деятельность рассматривалась как один из способов повышения доходности путем сокращения потерь от несанкционированного лесопользования и пожаров.

Практическим воплощением нового вектора государственной политики стало включение Лесного департамента в состав созданного в 1802 г. Министерства финансов. Все леса, за исключением состоящих в частной дворянской собственности, были переданы в распоряжение Лесного департамента. На протяжении первой трети XIX в. система управления лесами подверглась децентрализации, а ответственность за состояние лесных массивов была возложена на их эксплуатантов (леса горных и соляных заводов, удельные, корабельные и др.). Практика лесопользования показала, что ведение лесного хозяйства в масштабах страны должно было сосредотачиваться в руках одного органа. После создания в 1837 г. Министерства государственных имуществ и включения в его состав Лесного департамента начинается обратный процесс концентрации полномочий по управлению казенными лесами империи в руках лесного ведомства.

С 1826 г. на территории европейской части страны начала функционировать новая система регионального лесоуправления во главе с отделениями по лесной части при казенных палатах. Был установлен порядок разделения лесов на лесные округа и лесничества, определены права и обязанности лесных служащих различного уровня, порядок ведения делопроизводства. Началось постепенное формирование корпуса профессиональной лесной стражи, которой поручалась охрана наиболее ценных казенных лесов. В середине XIX в. значение лесных ресурсов среди прочих государственных имуществ возрастает, показателем чего стала замена губернских палат государственных имуществ одноименными управлениями, главы которых одновременно являлись губернскими лесничими. В 1869 г. было принято «Положение о лесной страже в казенных лесах», предусматривавшее постепенную замену выборных полесовщиков и пожарных старост и других категорий лесной стражи профессиональными лесниками и объездчиками.

Основным лесовладельцем в России являлось государство. К 1914 г. общая площадь лесов России составляла около 480 млн дес., из которых в ведении казенного лесного управления находилось 338 млн дес., т.е. 70% лесных ресурсов. Основные лесные владения казны (более 230 млн дес.) были сосредоточены в азиатской части страны. Доля частного и общественного лесовладения в Европейской России составляла около 35%, в азиатской части – около 28%.

Рациональная организация хозяйства в частных лесах была, скорее исключением, чем правилом. Проблема сбережения частновладельческих лесов наиболее четко обозначилась в пореформенное время в связи с возрастающими темпами промышленного производства, развитием рыночных отношений и увеличением объемов лесозаготовки. Наиболее значимой мерой, предложенной государством для сбережения частных лесов, стало принятие в 1888 г. лесоохранительного закона. Его существенным недостатком являлась ограниченная европейской частью страны территория действия. Одну из важнейших проблем – установление контроля за ведением частного лесного хозяйства со стороны государственного лесного ведомства – правительству так и не удалось решить.

К началу XX в. основными организационными проблемами, затруднявшими лесоохранную деятельность, являлись громоздкость и «неповоротливость» административного аппарата казенного лесного ведомства, отсутствие у него реальных рычагов воздействия на частных лесовладельцев, несовершенство лесоохранного законодательства. В результате содержание лесной политики сводилось, преимущественно, к поиску и определению наиболее рационального способа эксплуатации лесов в зависимости от их владельческой принадлежности.

В **третьем параграфе** «Попытки формирования новой государственной лесоохранной политики в условиях смены политического режима (1917–1918 гг.)» отмечается, что коренные изменения, произошедшие в государственном механизме в результате революционных событий, непосредственным образом отразились на содержании лесоохранной политики.

Революция и смена власти могли стать отправной точкой для преодоления недостатков существовавшей лесохозяйственной системы. Определение форм лесной собственности и путей решения лесного вопроса должно входило в компетенцию Учредительного собрания. Представители лесоводческого корпуса принимали активное участие в обсуждении будущего лесной отрасли, участвуя в работе всероссийских и региональных общественных организаций (Солес). Лейтмотивом звучала мысль о необходимости признания лесов государственным достоянием с одновременным возложением на государство обязанности по удовлетворению потребности населения в древесине.

Демократические веяния в земельно-лесном хозяйстве выразились в формировании весной-летом 1917 г. общественных структур, получивших полномочия в сфере управления государственными имуществами, надзора за лесопользованием и лесоохраной государственных, частных и общественных лесов (земельные комитеты и советы лесничеств). Эта уступка населению обернулась разгулом лесоистребления.

После октябрьских событий в Петрограде большевики объявили, что леса подлежат национализации или социализации (в зависимости от их ценности) с полной отменой частной собственности. По мере распространения советской власти по стране, губернские и областные управления земледелия и государственных имуществ заменялись земельными и лесными отделами, трансформировавшимися из земельных комитетов. В силу того, что этот процесс происходил неравномерно и имел существенные региональные особенности, начался процесс децентрализации системы лесоуправления. Лесной департамент, переименованный в июне 1918 г. в Центральный лесной отдел Наркомзема РСФСР, утратил связь с удаленными от столицы отделами. Основным принципом советской власти в сфере лесного хозяйства являлась коллегиальность, поэтому существовавшие с лета 1917 г. советы лесничеств как орган, имевший полномочия по определению объемов лесопользования населения, были сохранены. Деятельность лесничих осуществлялась под контролем комиссаров, которые могли вмешиваться в решение сугубо профессиональных вопросов, что приводило к конфликтам и массовому бегству специалистов с лесной службы.

Принятый в мае 1918 г. декрет ВЦИК РСФСР «О лесах», заменивший собой Лесной устав и всё прежнее лесное законодательство, определял, что граждане могли реализовать свое право на свободный вход в леса и бесплатное пользование основными и побочными материалами только при условии исполнения обязанности по охране лесов. Это был новый подход к организации лесоохранной деятельности, основывавшийся на идее безвозмездного коллективного участия в охране общенародного достояния.

В декабре 1918 г. советской властью с целью преодоления топливного кризиса была создана система снабжения древесиной административных и производственных учреждений, предприятий, железнодорожного транспорта, населения во главе с Главным лесным комитетом. Его региональным отделениям было передано управление всей лесной промышленностью и

организация заготовок древесины. Лесные отделы и лесничества лишились одного из своих важнейших полномочий – контроля лесопользования.

Искусственное разделение на лесохозяйственные и лесозаготовительные организации, хотя и было оправдано условиями военного времени, приводило к постоянным конфликтам, способствовало росту несанкционированного лесопользования. Появилась новая категория самовольных порубщиков – лесозаготовительные организации, которые, действуя от имени государства, заготавливали колоссальные объемы древесины, нарушая все лесохозяйственные планы. Природопользование в годы советской власти развивалось в тесной связи с идеологическими установками марксизма о том, что природные ресурсы не имеют стоимости. Лесное хозяйство воспринималось лишь как механизм «изъятия» у природы необходимых ресурсов, поэтому темпы лесопользования возрастали. Объем лесозаготовок в период с 1918 до 1921 г. вырос в четыре раза, более 2/3 всей заготовленной древесины приходилось на дрова. В результате активного лесопользования лесистость европейской части России снизилась с 49% в 1916 г. до 23% в 1926 г. Вопросы организации лесоохранной деятельности отошли на второй план.

Третья глава «Региональный аспект государственной лесоохранной политики» состоит из четырех параграфов.

Первый параграф «Организационно-правовые формы и содержание лесоохранной политики в казенных лесах Западной Сибири в XVIII – начале XX в.» посвящен характеристике условий и особенностей организации лесоохранной деятельности государства в регионе.

Леса Сибири, в силу удаленности от центров кораблестроения, правовой обособленности сибирских губерний и своеобразия природно-климатических условий оказались практически вне зоны действия издаваемых в XVIII – первой половине XIX в. законодательных актов. Сибирским обывателям было предоставлено право свободной рубки лесов, поскольку в правительственных кругах преобладала точка зрения о неистощимости лесных запасов за Уралом. Отдельные распоряжения, издаваемые по поводу охраны сибирских лесов, возникали спонтанно, под влиянием каких-либо событий и не складывались в систему. Незрелость инфраструктуры и невысокая плотность населения в Азиатской России, не позволяли устроить здесь лесное хозяйство по классическим правилам лесоводческой науки. Форстмейстерская служба, учрежденная в Сибири в 1798 г., была упразднена, не просуществовав и года.

После проведения административной реформы 1822 г. надзор за казенными лесами в Сибири был возложен на казенные палаты, реализовавшие свои властные полномочия через волостные правления. Эта схема долгое время оставалась неработоспособной, а деятельность казенных палат не выходила за пределы канцелярской работы. Комиссии, направлявшиеся в Сибирь в 1820–1840-х гг., приходили к единодушному выводу о том, что в регионе никакого лесного хозяйства не ведется. Отсутствие надзора за сохранностью лесов приводило к тому, что в наиболее густонаселенных местностях они были почти истреблены.

После учреждения в середине XIX в. IV отделения Главного управления Западной Сибири было начато межевание лесов, с отводом наиболее ценных в заказ. В процессе межевания определялись границы дач единственного владения казны (дачи I разряда), общего пользования казны и крестьян (II разряда) и крестьянские наделные земли с лесными участками (III разряда). Одновременно формировались запасные («заказные») лесные участки для обеспечения потребности в древесине на будущее время.

Принятие в 1863 г. «Временных правил о попенных и посаженных деньгах за пользование лесами в Тобольской и Томской губерниях» и попытки ограничить вольное крестьянское лесопользование, возложив надзор за исполнением запретов и ограничений на волостную и сельскую крестьянскую администрацию, существенно улучшить ситуацию не смогли. Крестьяне продолжали рубить лес не только для удовлетворения домашних потребностей, но и на продажу, не делая особых различий между своими и казенными лесными дачами. Сформированная после принятия правил 1863 г. административно-хозяйственная вертикаль выглядела следующим образом: Главное управление Западной Сибири (IV отделение) – губернская казенная палата – волостное правление – сельская администрация – выборные полесовщики и пожарные старосты. В этой цепочке отсутствовало важнейшее звено – лесная администрация в лице лесничих.

Включение лесной отрасли Западной Сибири в общероссийскую систему казенного лесного хозяйства, произошедшее в 1884 г., стало отражением меняющегося взгляда центральной власти на роль и место Сибири в хозяйственном механизме страны. Руководство лесным хозяйством Западной Сибири было передано Управлению государственными имуществами, подчинявшемуся Лесному департаменту и действовавшему на основании Лесного устава. Штатное расписание управления предусматривало наличие лесной администрации, вольнонаемной и общественной лесной стражи. В ведение нового учреждения перешли десятки миллионов десятин лесной площади Тобольской, Томской губерний, Акмолинской и Семипалатинской областей.

Вольнонаемная лесная стража была введена в наиболее ценных заказных лесах, остальные лесные дачи оставались под охраной общественных полесовщиков и пожарных старост, общая численность которых была выше в несколько раз. По мере модернизации казенного лесного хозяйства в Западной Сибири наблюдалась тенденция роста численности вольнонаемной стражи и сокращения общественной.

Эффективная деятельность лесной стражи рассматривалась как важнейшее условие закрепления за казной принадлежащих ей лесов и сохранения их от расхищения. Вместе с тем, именно это направление являлось одним из самых проблемных. Средняя величина поднадзорной территории объездчика (объезд) составляла более 300 тыс. дес., лесника (обход) – более 60 тыс. дес. Максимальный размер мог достигать 3,5 млн и 200 тыс. дес., соответственно, тогда как, оптимальными считались размеры обходов около 1,5 тыс. дес., а объезда – 4 тыс. дес.

Еще одной проблемой являлся низкий уровень материального обеспечения. В конце XIX в. объездчики получали в месяц 14–15 руб., лесники около 6 руб., а средний месячный доход чернорабочего составлял 8 руб. Недостаток денежного содержания делал лесную службу непривлекательной. Ситуация несколько улучшилась лишь после принятия в 1908 г. закона «Об улучшении положения казенной лесной стражи», увеличившего размер денежного содержания и квартирных пособий.

В 1893 г. Управление государственными имуществами Западной Сибири разделилось на одноименные управления Томской и Тобольской губерний, Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской областей. Основной задачей, поставленной перед управлениями, было повышение доходов от эксплуатации казенных лесов путем приведения лесов в известность, определения площади колонизационного фонда для формирования лесных наделов крестьянам и переселенцам, разграничения их с участками для ведения коммерческого лесного хозяйства, снижения потерь от несанкционированного лесопользования и лесных пожаров.

Препятствием на пути формирования рентабельного казенного лесного хозяйства являлась система крестьянского лесопользования. Старожилы имели право до завершения землеустройства и получения лесного надела пользоваться бесплатно древесиной из казенных лесных дач. Переселенцы пользовались строевой и дровяной древесиной из специально отводимых участков, также входивших в состав казенных лесов. Крестьяне, злоупотребляя данным им правом, пользовались казенными лесами не только для удовлетворения своих нужд, но и пускали древесину в коммерческий оборот, продавая ее по низким ценам скупщикам, составляя тем самым серьезную конкуренцию лесному ведомству и уничтожая лесные участки в легкодоступных местах.

Расширение колонизационного фонда привело к сокращению площадей дач единственного владения казны. Сметные назначения не могли удовлетворить все возрастающего спроса на древесину. Итогом становится увеличение количества самовольных порубок. В тех местностях, где надзор был ослаблен или вообще отсутствовал, преступный промысел продажи самовольно срубленной древесины приобрел большие масштабы. Наибольшую нагрузку испытывали доступные для эксплуатации лесные массивы, тогда как огромные территории в силу неразвитости инфраструктуры, не были включены в хозяйственный оборот. По некоторым лесничествам до 90% расчетной лесосеки не использовалось из-за неудобных условий эксплуатации, либо там велась примитивная хозяйственная заготовка.

Второй параграф «Ведомственная лесоохранная политика Кабинета в Колывано-Воскресенском (Алтайском) (горном) округе в XVIII – начале XX в.» содержит характеристику организационных и правовых особенностей лесоохранной деятельности, осуществляемой на Алтае.

Мы полагаем, что собственность на леса, произраставшие в пределах Колывано-Воскресенского (с 1834 г. – Алтайского) (горного) округа и находившиеся в оперативном управлении Кабинета, являлась разновидностью

государственной собственности. Следствием особой роли лесных ресурсов как элемента горно-металлургического производства сырьем становится то, что отношения по поводу эксплуатации и охраны лесов Колывано-Воскресенского горного округа становятся предметом правового регулирования уже во второй половине XVIII в. Окружное лесное хозяйство было полностью подчинено интересам горно-металлургического производства, поэтому лесоохранная деятельность выступала в качестве гаранта обеспечения потребностей производственного комплекса в сырье.

Заведование лесами осуществляли горные (заводские) конторы через приставов рудников (заводов) и лесосек под общим контролем горного правления. Леса, приписанные к селениям и предназначенные для удовлетворения потребности местного населения в древесине, состояли в ведении волостной администрации. Лесная стража в Колывано-Воскресенском горном округе появилась значительно раньше, чем в казенных лесах Томской губернии – со второй половины XVIII в.

С 1840-х гг. вопросы ведения лесного хозяйства и охраны лесов были возложены на Лесную часть, получившую некоторую независимость от горно-заводской администрации и действовавшую на основе «Положения об управлении лесами Алтайского горного округа» 1850 г. Ее штатная структура выглядела следующим образом: управляющий частью – помощник – окружные лесничие – подлесничие – полесовщики (лесная стража, выбираемая из заводских и рудничных рабочих, а после отмены обязательного труда формируемая на основе вольного найма).

Вторая половина XIX в. отмечена упадком горнозаводского хозяйства и ростом заинтересованности Кабинета в эксплуатации своих земельно-лесных ресурсов. С конца XIX в. окружное лесное хозяйство окончательно освобождается от зависимой роли в тандеме с горно-металлургическим комплексом. Кабинетская администрация берет курс на коммерциализацию лесной отрасли, пытаясь найти наиболее приемлемый вариант эксплуатации лесных ресурсов. В ходе проведенных в 1880–1910-х гг. административных реформ, в Алтайском (горном) округе была создана новая схема организации земельно-лесного хозяйства, во многом схожая с казенной моделью управления государственными имуществами. Вместе с тем, существовала и специфика, нашедшая отражение в утверждаемых императором правилах по лесной части Алтайского округа.

Лесоохранный аспект в деятельности администрации округа становится приоритетным направлением. Наличие напряженности в отношениях с местным населением по вопросам лесопользования вынуждало иметь большой штат лесной стражи, расходы на содержание которой могли превышать половину доходной части. Организация деятельности лесной стражи была одним из самых болезненных и требовавших постоянного внимания вопросов. В результате предпринимаемых на протяжении нескольких лет усилий со стороны кабинетской администрации, в Алтайском округе к началу первой мировой войны удалось сформировать корпус лесной стражи, численность и

качественный состав которой, в целом, удовлетворял предъявляемым требованиям.

В результате проведенных административно-хозяйственных преобразований, окончания земле- и лесоустройства и благоприятно складывающейся экономической конъюнктуры, сложились предпосылки для перехода лесного хозяйства округа на качественно новый уровень. Обсуждались вопросы искусственного лесовозобновления, создания лесного музея, библиотеки, постройки деревообрабатывающих предприятий, проведения однопольных подвесных железных дорог для вывоза древесины с лесосек и т.д. Начавшаяся первая мировая война осложнила и сделала невозможной реализацию этих планов. В ходе нескольких волн мобилизации был нанесен ощутимый удар по кадровому потенциалу лесного хозяйства. Ослабленная система лесоохраны не смогла противостоять резкому увеличению объемов несанкционированного лесопользования после начала революционных событий 1917 г.

Третий параграф «Трансформация региональной лесоохранной политики в условиях революции (февраль 1917 – май 1918 г.)» посвящен анализу влияния революционных событий на изменение содержания лесоохранной деятельности в регионе.

После упразднения монархии начинается процесс интеграции бывшего кабинетского хозяйства в общегосударственный лесохозяйственный механизм. Основной задачей административного аппарата всех уровней в сложившихся обстоятельствах являлось сохранение порядка и стабильности с одновременным предоставлением населению возможности участвовать в решении вопросов лесопользования. Однако ситуация выходила из-под контроля, на местах начался развал, самовольные порубки приобрели массовый характер, лесная стража разгонялась, конторы лесничеств подвергались разграблению.

Появлялись новые субъекты лесных правоотношений, которые претендовали на роль проводников политики Временного правительства или медиаторов в отношениях власти и населения (комитеты общественного порядка, советы лесничеств, земельные комитеты, земские учреждения). Наибольшую активность проявляли земельные комитеты, претендовавшие на самостоятельное решение лесного вопроса, без участия прежней администрации. Однако реальных способов воздействия на ситуацию, кроме попыток увещевания населения руководствоваться существующими законами и не допускать хищнических рубок, у земельных комитетов не было.

Конец 1917 – начало 1918 г. прошли под знаком борьбы за власть и право распоряжаться национализированными земельно-лесными ресурсами между прежней администрацией, земствами и новой властью в лице земельных отделов местных советов. В первые месяцы 1918 г. центр принятия властных решений сместился в сторону советских органов, но наладить четкую систему управления природопользованием не удалось. За непродолжительный период пребывания у власти в первой половине 1918 г. советы не успели провести полномасштабную реорганизацию управления земельно-лесным хозяйством, ограничившись ликвидацией отдельных административных структур и увольнением их руководителей.

Четвертый параграф «Попытки формирования государственной лесоохранной политики в Сибири (июнь 1918 – декабрь 1919 г.)» раскрывает содержание новой политики, которую «белые» правительства позиционировали в качестве государственной.

После выступления чехословацкого корпуса и перехода власти в руки Временного Сибирского правительства все административно-хозяйственные изменения и распоряжения советов были отменены. Начался процесс восстановления существовавшего порядка управления государственными имуществами с одновременным формированием новой лесоохранной политики, которая должна была отвечать интересам региона.

От коллегиального порядка управления лесным хозяйством отказались. Советы лесничеств были упразднены, полномочия начальников губернских управлений земледелия и государственных имуществ восстановлены. Управление Алтайского округа было переименовано в Алтайское Управление земледелия и государственных имуществ, утверждена его новая штатная структура. К лету 1919 г. в ведении Лесного департамента находились Омское, Семипалатинское, Тобольское, Томское, Енисейское, Иркутское, Оренбургско-Тургайское, Алтайское, Приморское, Амурское, Пермское и Уфимское управления земледелия и государственных имуществ, Нерчинский земельно-лесной округ и заведующий устройством русского населения в Урянхае.

Перед образованным в июле 1918 г. министерством земледелия и колонизации и включенным в его состав Лесным отделом (с марта 1919 г. Лесным департаментом) была поставлена задача по восстановлению управленческой структуры на местах, борьбе с самовольными порубками леса и пожарами, установлению единых правил лесопользования, изысканию новых способов и форм эксплуатации лесов, в том числе с привлечением иностранного капитала, развитию государственной и поощрению частной лесной промышленности, содействию развитию кустарных промыслов, созданию транспортных путей и совершенствованию способов вывоза древесины с мест лесозаготовок, организации ее сбыта, введению рационального лесного хозяйства, расширению сети образовательных заведений, развитию лесомелиорации, лесного опытного дела.

Однако в условиях гражданской войны властные структуры на территории Сибири находились в очень неустойчивом положении. Военная диктатура А.В. Колчака, основанная почти исключительно на карательных и репрессивных методах, очень быстро лишила себя социальной базы. Тыловые районы были охвачены партизанским движением и наводнены вооруженными бандами, которые терроризировали местное население, лесную администрацию и стражу. В таких условиях планомерная работа была невозможна. Лесничие эвакуировали свои канцелярии в близлежащие населенные пункты, либо вовсе бросали все и спасались сами. В декабре 1919 г. в регионе окончательно установилась советская власть. Попытки формирования в регионе новой лесоохранной политики, которая в будущем могла приобрести статус государственной, не увенчались успехом.

Четвертая глава «Реализация государственной лесоохранной политики в сфере борьбы с самовольными порубками» состоит из трех параграфов.

Первый параграф «Правовая и социальная характеристика самовольной порубки леса» посвящена рассмотрению самовольной порубки как многоаспектного явления, сочетающего в себе правовые, социальные, экономические и экологические характеристики.

Самовольная порубка становится уголовным преступлением в результате криминализации вольного неограниченного лесопользования, произошедшей в России в начале XVIII в. Лесонарушения относились к преступлениям против собственности, в связи с чем, уголовное и гражданское законодательство было нацелено на охрану и защиту интересов собственника леса и восстановление его нарушенных прав, практически не учитывая общественную опасность, которую представляло уничтожение лесов.

Формального определения самовольной порубки уголовное право Российской империи не выработало. Фактическим содержанием самовольной порубки являлось несанкционированное владельцем пользование лесными материалами в виде похищения (покушения) из леса растущих деревьев, их частей или валежника. Единственным исключением была вынужденная рубка дерева под влиянием объективных обстоятельств, например, поломки в пути и необходимости ремонта. К самовольным порубкам приравнивалась кража заготовленного леса, неразрешенная расчистка лесных угодий, переруб по количеству и сортаментам более чем на 10% при производстве законной рубки, продажа бесплатно или по льготной цене отпущенного леса лицу, не имевшему права на льготу, рубка в неотведенных для этого местах или во внеурочное время, повреждение деревьев, приводившее к прекращению их роста.

Самовольные порубки являлись самым распространенным видом нарушения лесоохранного законодательства и приобрели в нашей стране колоссальные масштабы. Огромные земельные просторы, почти неисчерпаемые лесные, водные и охотничьи ресурсы сформировали у крестьянина небрежное отношение, как к самим природным богатствам, так и праву собственности на них. С точки зрения обычного права лес воспринимался населением в качестве объекта общего пользования. В народном сознании прочно укоренилось представление о том, что лес является общим достоянием, пользоваться которым может всякий нуждающийся. Лица, рубившие чужой (с правовой точки зрения) лес, оправдывались общественным мнением. Это провоцировало постоянную конфронтацию с представителями лесной администрации и лесной стражей.

Одним из важнейших условий, способствовавших широкому распространению самовольных порубок, на наш взгляд, являлось относительно позднее, по сравнению с Западной Европой, оформление права собственности на лес. Площадь неустроенных лесных дач исчислялась десятками миллионов десятин. Устройство казенных лесов к началу XX в. было проведено лишь в 23% лесов европейской части страны, 9% на Кавказе и 5% в Азиатской России. Лесные границы определялись приблизительно, что затрудняло собственнику возможность полноценно использовать и охранять свое имущество.

Те части нашей страны, где в силу природных факторов, а также последствий хозяйственной деятельности, лесистость была невысока, испытывали так называемый «лесной голод», т.е. крайнюю потребность в лесных материалах. Это провоцировало большое количество мелких незначительных порубок с небольшими суммами ущерба. В периоды смут и потрясений самовольные порубки являлись одной из самых распространенных форм социального протеста.

Немаловажным фактором, предопределившим широкое распространение самовольных лесных порубок, являлось несовершенство системы лесоуправления и лесоохраны. Увеличивавшиеся темпы экономического развития и возросшая потребность в лесных материалах только усугубили уже имевшиеся в сознании народа «лесоистребительные» мотивы.

Если Петр I установил строгую юридическую ответственность за самовольную рубку ценного корабельного леса, рассматривая ее как покушение на государственные интересы, то с середины XVIII в. наблюдается снижение тяжести наказаний за нарушение лесоохранительных законов. В XIX в., с изменением содержания государственной лесной политики, санкции за лесонарушения переводятся в экономическую плоскость, что подразумевало замещение других видов наказания денежными штрафами.

Нормы лесного уголовного права были «разбросаны» между отдельными нормативными актами, не составляя единства, что отражалось на эффективности регулирования отношений в этой сфере. В Лесном уставе издания 1842 г. и последующих редакциях появилась специальная книга, содержащая статьи, регламентировавшие порядок определения наказания и наложения взысканий за нарушение лесоохранного законодательства. Внутреннее строение этой книги отличалось казуистичностью, наличием повторений, отсутствием четкой внутренней структуры изложения, использованием архаичных правовых норм. Большинство охранительных статей Лесного устава не имели самостоятельного правового значения, поскольку либо дословно повторяли иные нормативные акты, либо содержали отсылки к Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями и Уложению о наказаниях уголовных и исправительных. Полного единства в вопросах правовой квалификации самовольной порубки и ее преследования не удалось достичь даже после введения системы лесоуправления на территории всей страны и распространения судебной реформы на азиатскую часть России.

Второй параграф «Борьба с самовольными порубками леса в Западной Сибири в дореволюционный период» содержит описание реализации одного из важнейших направлений лесоохранной деятельности.

Борьба с самовольными порубками начинается одновременно с формированием системы лесоуправления, повлекшей за собой ограничение свободного лесопользования местного населения. Лесоохранные меры становились более насыщенными по мере развития лесного хозяйства и увеличения нагрузки на лесные ресурсы региона, поскольку это являлось факторами роста объемов несанкционированного лесопользования.

Динамика самовольных порубок зависела от социальных, политических и экономических факторов: увеличения численности населения региона, темпов проведения землеустройства и отведения лесных наделов, урожая зерновых и т.п. В Алтайском округе количество самовольных порубок было выше, чем в казенных лесах Западной Сибири, что объясняется остротой «лесного вопроса» в связи с большей плотностью населения, доступностью ленточных сосновых боров, а также более эффективной системой надзора, при которой регистрировалась большая часть совершаемых порубок. Средний показатель количества самовольных лесных порубок в Алтайском округе за период с 1906 по 1914 г. составляет более 40 тыс. случаев в год. В это же время в казенных лесах Западной Сибири этот показатель не превышал 14 тыс. случаев в год.

Преобладали лесонарушения «бытового» характера в виде рубки нескольких строевых или дровяных деревьев для удовлетворения собственных нужд. Средняя стоимость самовольно срубленных лесоматериалов была около 3 руб., что примерно соответствовало стоимости кубической сажени древесины, т.е. 9 м³ в современной метрической системе. По мере совершенствования лесоохранного механизма самовольные порубки в больших масштабах становились редкостью.

Борьба с самовольными порубками осуществлялась в форме предупреждения и преследования. В рамках реализации первого направления предпринимались меры по развитию внутреннего лесного рынка, но высокая стоимость лесоматериалов, удаленность лесных складов, сложности в оформлении лесорубочных документов в сочетании с нежеланием населения приобретать лес у казны и Кабинета значительно снижали их эффективность.

Для снятия остроты лесного вопроса использовалась система бесплатных и льготных отпусков древесины местному населению. В среднем по Азиатской России к началу XX в. объемы льготных отпусков находились в пределах 3%, а бесплатный отпуск мог достигать четверти объема общего лесоотпуска. С началом первой мировой войны размеры бесплатного снабжения населения древесиной возросли, а объем коммерческих операций сократился.

Преследование самовольной порубки представляло собой последовательную реализацию ряда действий от обнаружения факта лесонарушения до исполнения судебного приговора или административного решения, определяющего вид и меру наказания для нарушителя. По мере распространения на Сибирь системы лесоуправления и включения региональной лесной отрасли в общегосударственный лесохозяйственный механизм, трансформировалась правоприменительная практика преследования самовольных порубок в уголовном и административном порядке.

При обнаружении самовольной порубки необходимо было составить протокол, который ложился в основу формируемого в лесничестве (имении) дела о лесонарушении, в дальнейшем направляемого в суд. После проведения судебной реформы основная масса дел о самовольных порубках оказалась в юрисдикции мировых судей, поскольку размер ущерба большей части подобных правонарушений не превышал 300 руб. Основной проблемой

являлось отсутствие оперативности при рассмотрении дел, в результате чего порубщик мог уходить от ответственности.

Представители лесной администрации имели право рассматривать некоторые категории дел о лесонарушениях в административном порядке, что позволяло повысить эффективность правоприменительной деятельности. После принятия закона 1897 г. около 60% дел о нарушениях Лесного устава решались в административном порядке, оканчивались вынесением административного постановления и добровольной уплатой штрафных сумм.

Финальной стадией преследования лесонарушений являлось объявление судебного приговора или вынесенного административного постановления виновному в совершении лесонарушения лицу, а также производство взыскания, т.е. приведение решений в исполнение. На этом этапе основная нагрузка ложилась на полицию и представителей сельской администрации.

Третий параграф «Противодействие самовольным лесным порубкам в период революционных событий и гражданской войны (1917–1919 гг.)» посвящен характеристике изменений, произошедших в сфере борьбы с лесонарушениями в указанный период.

После начала революционных событий ситуация с самовольными лесными порубками принимает критический характер. Борьба с порубщиками воспринималась крестьянами как ущемление гражданских прав и свобод, провозглашенных революцией. Лесничие обращались в уездные и волостные земельные комитеты, а позже в местные советы крестьянских и солдатских депутатов с просьбами принять меры для защиты леса, однако какой-либо существенной помощи местные власти и милиция оказать не могли.

Рассматривая лесничество и лесную стражу как главное препятствие вольного земле и лесопользования, крестьянство развернуло активное движение против лесной администрации. Под давлением со стороны местного населения, началась массовая замена постоянной лесной стражи на выборную, устраивавшую крестьян. После кратковременного установления советской власти была предпринята попытка повсеместного введения выборной народной лесной стражи.

На проходивших летом 1918 г. совещаниях начальников восстановленных губернских и областных управлений земледелия и государственных имуществ Западной Сибири отмечалось, что борьба с самовольными порубками могла быть эффективной лишь при условии привлечения к охране лесов всех имеющихся в распоряжении властей сил и средств. Одной из наиболее эффективных мер противодействия лесным порубкам стало учреждение отрядов лесной милиции.

Наладить эффективную правоприменительную деятельность в условиях общего административного коллапса было невозможно. Нормальный режим функционирования системы обеспечения общественной и государственной безопасности постепенно уступил место режиму чрезвычайному. Правительство сделало ставку на силовые методы руководства подконтрольными территориями. Приказы и обязательные постановления устанавливали особый правовой режим преследования нарушений лесного законодательства, наделяли чрезвычайными

полномочиями государственные органы и расширяли права лесной администрации при рассмотрении дел о самовольных порубках.

С целью выработки общего порядка рассмотрения дел о лесонарушениях весной 1919 г. было утверждено постановление «Об изменении порядка взыскания убытков за лесные порубки в казенных дачах и об усилении наказаний за таковые порубки». Изменения заключались в упрощении процедуры наложения взыскания в административном и судебном порядке на обвиняемого в лесонарушении, но не меняли коренных основ административного и судебного производства по делам такого рода.

Пятая глава «Реализация государственной лесоохранной политики в сфере борьбы с лесными пожарами» состоит из двух параграфов.

Первый параграф «Организация и осуществление противопожарных мероприятий в Западной Сибири в дореволюционный период» содержит характеристику основных способов борьбы с лесными пожарами.

Главной причиной лесных пожаров являлось неосторожное обращение с огнем во время пребывания в лесу, проведения лесозаготовительных работ, переход огня из прилегавших к казенным дачам крестьянских земельных участков при весеннем выжигании травы. Умышленно лес поджигали, желая получить бесплатно или по сниженной цене горелый лес скрыть следы самовольных порубок.

Борьба с лесными пожарами представляет собой реализацию комплекса мероприятий по предупреждению, обнаружению, ликвидации, и устранению неблагоприятных последствий, выявлению и наказанию виновных.

Основной противопожарной мерой до начала XX в. являлась ежегодная весенняя опалка, т.е. контролируемое выжигание прошлогодней сухой травы по внешним границам и внутри лесных дач, чтобы предохранить лесные участки от захода в них napольных пожаров. Опалка являлась натуральной крестьянской повинностью, исполнение которой давало крестьянам право на бесплатное получение древесины. Ежегодные расходы на проведение опалок были велики, но эффект от применения этой меры был невысок. Более эффективными противопожарными мерами являлись, прокладывание просек, противопожарных рвов, перекапывание лесных дорог, оборудование проездов в лесные дачи шлагбаумами.

С момента схода снега и до середины сентября запрещалось разводить в лесу костры без соблюдения ряда предосторожностей. Срок лесозаготовок был ограничен зимним временем. Летняя заготовка допускалась в виде исключения. В обязанности покупателя леса или лесозаготовителей входил сбор и сжигание порубочных остатков с соблюдением противопожарных правил. По мере интенсификации лесного хозяйства эта лесохозяйственная операция стала проводиться силами лесной стражи, либо специально нанимаемыми рабочими.

Кроме очисток мест лесозаготовок практиковались санитарные очистки лесов, предполагавшие отпуск потребителям вершинника, горелого, валежного, сухостойного леса по сниженной цене или бесплатно. Объем отпускаемого сухостойного, горелого и валежного леса составлял, в среднем, почти 36% общего объема реализуемой в течение года древесины.

Профилактической противопожарной мерой, которая начала практиковаться в 1910-х гг., являлась пропаганда и агитация в виде распространения на сельских сходах информации о необходимости соблюдения предосторожности от лесных пожаров, о ценности и значимости леса для сельского хозяйства.

Тушение лесных пожаров являлось обязанностью лесной администрации, лесной стражи и местного населения. Любой человек, обнаруживший лесной пожар, должен был незамедлительно оповестить лесные службы и крестьянскую администрацию. Крестьяне каждого прилегавшего к лесу селения или находившегося от него в радиусе нескольких десятков верст, должны были прибыть на место пожара в этот же день или на следующий, с необходимым противопожарным инвентарем, и оставаться там до полной ликвидации огня. С начала XX в. участие крестьян в тушении пожаров оплачивалось по специальным таксам. Размер оплаты зависел от времени года, условий работы и ряда других факторов. Отказ от явки на лесной пожар или самовольное его оставление без уважительной причины грозило наказанием в виде штрафа.

Наиболее эффективным инструментом борьбы с лесными пожарами являлись специализированные мобильные отряды и караулы из постоянной и временной лесной стражи, базировавшиеся при наблюдательных вышках.

Обязанность по определению правильной тактики борьбы с огнем и непосредственное руководство тушением лежали на лесничем. Тактика борьбы с огнем определялась, исходя из вида пожара, погодных условий и имеющихся в распоряжении сил и средств. После ликвидации огня, до тех пор, пока сохранялась опасность повторного возгорания, на месте пожара оставались караулы, которые тушили тлеющие пни, деревья и дерн.

Наибольший урон лесному хозяйству наносили верховые пожары, уничтожавшие десятки и сотни тысяч десятин. Динамика лесных пожаров находилась в большей зависимости от природно-климатических условий и особенностей произрастания лесной растительности, нежели от предпринимаемых противопожарных мер. Крупные пожары случались в Сибири с периодичностью один – два раза в десятилетие, когда складывались неблагоприятные погодные условия: ранняя сухая весна и затяжная сухая осень.

За период ведения статистического учета максимальный годовой показатель количества пожаров в казенных лесах Западной Сибири был зарегистрирован в 1911 г. (795 случаев), минимальный – в 1889 г. (29 случаев). Среднегодовое значение количества лесных пожаров за период с 1889 по 1914 г. составляло около 270 случаев. В лесах Алтайского округа, отличавшихся большей горимостью, количество возгораний было выше. Максимальное значение было отмечено в 1910 г. (1426 случаев), минимальное – в 1906 г. (166 случаев). В итоге и среднегодовой показатель на Алтае был выше: около 470 зарегистрированных случаев.

В тех местностях Западной Сибири, где лесохозяйственная деятельность была более активной, к началу 1917 г. речь шла о выходе на качественно новый уровень реализации противопожарных мероприятий. Активно обсуждались вопросы телефонизации пожарных вышек, их оборудования химическими

огнетушителями. Малоосвоенные территории продолжали пребывать в «первобытном» с точки зрения организации лесоохранной деятельности состоянии. Начавшиеся революционные события оказали негативное влияние на способы и формы осуществления противопожарной деятельности, сделав в некоторых случаях борьбу с лесными пожарами практически невозможной.

Второй параграф «Борьба с лесными пожарами в Западной Сибири в 1917–1919 гг.» демонстрирует изменения в реализации данного направления государственной лесоохранной политики в период революций и гражданской войны.

Вне зависимости от характера политического режима, перечень осуществляемых противопожарных мероприятий был одинаков и основывался на многолетнем опыте ведения лесного хозяйства в Сибири.

Неблагоприятные природно-климатические факторы в течение нескольких лет, начиная с 1914 г. совпали со сложнейшей социально-политической обстановкой в стране и регионе. Реализация намеченных на пожароопасный сезон 1917 г. мероприятий оказалась трудно осуществимой. Основные силы администрации после начала революционных событий были брошены на борьбу с самовольными порубками, в результате осуществление противопожарных мер отошло на второй план. Массовые порубки леса способствовали накоплению порубочных остатков и захламлению лесных дач, создавая благоприятные условия для распространения огня. Участились случаи умышленных поджогов мест рубки с целью ликвидации следов преступления или отвлечения лесной стражи.

Привлекать население к тушению пожаров становилось все сложнее. Оплата труда крестьян на тушении лесных пожаров была оставлена. Однако ее размеры не успевали за катастрофическим обесцениванием денег и ростом цен на продукты и товары первой необходимости.

Общественно-политические и хозяйственные учреждения, представлявшие новую власть, пытались призвать население к сознательности. Основной формой участия земельных комитетов, земских органов, земельных отделов (в период кратковременного установления советской власти), комитетов порядка, общественного спокойствия в охране лесов от пожаров являлось издание обязательных постановлений, воззваний к населению, публикация сообщений в прессе, инструкций, в которых указывалось на особое значение леса, ставшего народным достоянием.

Помимо рекомендаций издавались приказы, исходившие от военных властей, содержавшие исключительно императивные нормы и устанавливавшие ответственность за неисполнение требований пожарной безопасности в лесах.

Особая роль в организации лесоохранной деятельности была возложена на земские органы, к предметам ведения которых относилось не только издание обязательных постановлений для местных жителей о мерах предосторожности от лесных пожаров, но и разработка такс, определявших размер вознаграждения за участие в тушении лесных пожаров.

Кратковременное установление советской власти в Западной Сибири совпало с началом нового пожароопасного сезона 1918 г. Новая власть не стала

вносить коррективы в основополагающие принципы обеспечения пожарной безопасности в лесах. На места были разосланы подробные правила проведения опалок, в которых устанавливался порядок и процедура проведения этого противопожарного мероприятия. Основная обязанность по реализации противопожарных мероприятий была возложена на местные исполкомы. Лесничие лишились своих властных полномочий по организации тушения лесных пожаров, сохранив за собой чисто технические функции по непосредственному руководству ликвидацией огня.

После установления власти Временного Сибирского правительства центр тяжести борьбы с пожарами вновь переместился в сторону земельно-лесной администрации. Подготовка к новому пожароопасному сезону 1919 г., по сравнению с предыдущим годом, шла более планомерно и по единой для всей Сибири схеме, выработанной временной лесокультурной комиссией при Лесном департаменте. Набор необходимых мероприятий предупредительного характера был стандартным: увеличение числа наблюдательных вышек, развитие сети телефонов, наем пожарной стражи, снабжение кордонов противопожарными инструментами, опашка границ, сокращение периода летних заготовок, немедленный расчет за тушения пожаров на месте для того, чтобы избежать отказов крестьян участвовать в тушении. Предусматривалось ужесточение ответственности за неосторожное обращение с огнем в лесу, а умышленный поджог рассматривался как государственное преступление.

В заключении формулируются общие выводы по работе и подводятся итоги исследования.

Залогом успешного решения экологических проблем является наличие выверенной и научно обоснованной государственной политики в сфере природопользования и охраны окружающей среды. Деятельность по охране и защите лесных ресурсов должна осуществляться системно, с учетом меняющихся социально-экономических и политических условий, а также накопленного исторического опыта в данной сфере.

Лесные ресурсы играли в истории нашей страны огромную роль, влияя на характер занятий населения, выбор мест расселения, развитие инфраструктуры и экономических связей между отдельными районами и т.д. Избыток леса и отсутствие до определенного времени дефицита древесины стали причиной сравнительно позднего появления системной лесохозяйственной деятельности государства.

Наиболее приемлемой формой собственности на лес, в историческом прошлом и на сегодняшний день является государственная. Целенаправленная деятельность по рационализации лесного хозяйства, разработке, принятию и реализации лесной политики должна исходить только от государства, осуществляться уполномоченными государством органами в рамках закона, в том числе с использованием методов государственного принуждения.

Государственная лесоохранная политика складывается в начале XVIII в. под влиянием нового курса на повышение обороноспособности страны, инициатором которого стал Петр I. Формирование государственной лесоохранной политики происходило за счет издания ряда законов, устанавливавших запреты

на свободное пользование лесом, пригодным для кораблестроения, а также расширением полномочий существующих или учреждением специализированных органов, которым поручалось заведование лесами. Выбранный Петром I императивный стиль руководства лесопользованием и лесоохраной вступил в противоречие с хозяйственными традициями и правовыми обычаями населения, которые веками регулировали порядок взаимодействия человека и природы.

С начала XIX в. лесное хозяйство стало рассматриваться как источник доходов государства. С этого момента начинается поиск оптимальной системы лесоуправления, которые не прекращались на протяжении всего рассматриваемого периода. Одной из важнейших проблем дореволюционного лесного хозяйства являлось почти полное отсутствие контроля состояния частных лесов.

Революционные события 1917 г. создали предпосылки для формирования рационального лесного хозяйства на основе единого правового режима владения лесами. Однако объявленный советской властью курс на максимально широкое природопользование поставил лесное хозяйство в подчиненное положение по отношению к лесной промышленности.

Наличие региональных особенностей в содержании и реализации государственной лесоохранной политики было обусловлено спецификой природно-географических условий и особенностями административного устройства ее отдельных регионов, в том числе Западной Сибири.

Формирование системы казенного лесного хозяйства в Западной Сибири начинается в 1870–1880-х гг. Учитывая специфику традиций лесопользования, а также подверженность сибирских лесов пожарам, основное внимание администрации уделялось организации охраны лесов.

Особенности лесоохранной политики, осуществляемой в Колывано-Воскресенском (Алтайском) горном округе формировались за счет особого правового статуса кабинетских лесов и их роли как необходимого элемента горно-металлургического производства. Переориентация на расширенную эксплуатацию земельно-лесных ресурсов Алтайского округа в конце XIX в. потребовала новых подходов к пониманию значения лесоохранной деятельности.

Основными направлениями реализации государственной лесоохранной политики являлись охрана лесов от самовольных порубок и пожаров. Причины широкого распространения первого явления кроются в социокультурной и правовой сферах. Противодействие самовольному лесопользованию осуществлялось по двум направлениям: предупреждение и преследование.

Факторами высокой степени горимости лесных массивов Западной Сибири являлись природные особенности их произрастания, низкая плотность населения, затруднявшая организацию тушения, большое количество порубочных остатков, валежного и сухостойного леса, способствующего быстрому распространению огня. Основной причиной возникновения лесных пожаров являлась хозяйственная деятельность человека. Противодействие лесным пожарам складывалось из нескольких последовательных этапов от принятия предупредительных мер до непосредственной ликвидации огня и устранения его негативных последствий.

К 1917 г., благодаря реализации лесоохранной политики, в лесном хозяйстве региона отчетливо проявляются черты интенсивного развития. Революционные события и последовавшая смена политического режима осложнили или сделали невозможным реализацию этой тенденции.

Четырнадцать **приложений** представляют собой справочно-информационные материалы, которые иллюстрируют или дополняют сюжеты, рассматривающиеся в диссертации. В приложениях содержатся обобщающие таблицы, показывающие особенности распределения лесов Тобольской и Томской губерний, находящихся в ведении Лесного департамента, по характеру принадлежности и пользования, демонстрирующие динамику численности лесной стражи, статистику дел о нарушениях Лесного устава, количество лесных пожаров и площадь распространения огня. Кроме того, в приложениях представлены формуляр протокола о нарушении Лесного устава, бланк постановления о нарушении лесного законодательства, форма которого была установлена постановлением Совета министров Всероссийского правительства, акт о лесном пожаре. В качестве иллюстративного материала использовались карта лесной растительности Западной Сибири, а также изображения памятных и должностных нагрудных знаков представителей лесной администрации и лесной стражи.

Основные положения и результаты исследования отражены в следующих публикациях:

Статьи в журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. **Тяпкин М. О.** Некоторые аспекты лесной политики Российской империи в первой четверти XIX в. / М. О. Тяпкин, Т. Н. Соболева // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – Т. 2, № 4 (88). – С. 214–220. – DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.2-37. – 0,9 / 0,8 п.л.

2. **Тяпкин М. О.** Эволюция системы управления лесами Российской империи во второй половине XVIII в. / М. О. Тяпкин, Д. А. Глазунов // Известия Алтайского государственного университета. – 2015. – Т. 2, № 4 (88). – С. 207–213. – DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.2-36. – 0,9 / 0,8 п.л.

3. **Тяпкин М. О.** Историко-правовая характеристика участия полиции Томской губернии в охране лесов в начале XX в. / М. О. Тяпкин, В. М. Антропов // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. – 2015. – № 10 (132). – С. 53–57. – 0,3 / 0,2 п.л.

4. **Тяпкин М. О.** Реформирование системы лесного управления и охраны лесов Российской империи в 20–30-е гг. XIX в. / М. О. Тяпкин // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 403. – С. 130–134. – DOI: 10.17223/15617793/403/21. – 0,4 п.л.

Web of Science: **Tyapkin M. O.** Reforming the system of forest management and forest protection of the Russian Empire in the 1820s–1830s / М. О. Tyapkin // Tomsk state university journal. – 2016. – Vol. 403. – P. 130–134.

5. **Тяпкин М. О.** Модернизация лесной отрасли Российской империи во второй трети XIX в. / М. О. Тяпкин, О. А. Тяпкина // Известия Алтайского

государственного университета. – 2016. – № 2 (90). – С. 148–154. – DOI: 10.14258/izvasu(2016)2-26. – 0,7 / 0,6 п.л.

6. **Тяпкин М. О.** Развитие законодательства об охране частных лесов Российской империи во второй половине XIX в. / М. О. Тяпкин, О. А. Тяпкина // Известия Алтайского государственного университета. – 2016. – № 4 (92). – С. 144–149. – DOI: 10.14258/izvasu(2016)4-25. – 0,7 / 0,6 п.л.

7. **Тяпкин М. О.** Деятельность земских учреждений Алтайской и Томской губерний по охране лесов (1917–1919 гг.) / М. О. Тяпкин // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 407. – С. 144–149. – DOI: 10.17223/15617793/407/22. – 0,5 п.л.

Web of Science: **Тяпкин М. О.** The activity of zemstvo institutions of Altai and Tomsk provinces on protection of forests (1917–1919) / М. О. Tyapkin // Tomsk state university journal. – 2016. – Vol. 407. – P. 144–149.

8. **Тяпкин М. О.** Льготные отпуска древесины населению как элемент системы охраны лесов юга Западной Сибири в первой четверти XX в. / М. О. Тяпкин // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 411. – С. 165–170. – DOI: 10.17223/15617793/411/22. – 0,7 п.л.

Web of Science: **Тяпкин М. О.** Preferential releases of wood to the population as part of the system of forest protection in the South of Western Siberia in the first quarter of the 20th century / М. О. Tyapkin // Tomsk state university journal. – 2016. – Vol. 411. – P. 165–170.

9. **Тяпкин М. О.** Содержание и генезис государственной лесной политики России / М. О. Тяпкин // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – № 46. – С. 72–80. – DOI: 10.17223/19988613/46/9. – 0,7 п.л. (*Web of Science*).

10. **Тяпкин М. О.** Охрана лесов от пожаров в Алтайской губернии в первые годы после окончательного установления Советской власти (1919–1921 гг.) / М. О. Тяпкин // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – № 3 (180). – С. 137–143. – DOI: 10.23951/1609-624X-2017-3-137-143. – 0,6 п.л.

11. **Тяпкин М. О.** Организация лесоуправления в Алтайской и Томской губерниях в период кратковременного установления советской власти в первой половине 1918 г. / М. О. Тяпкин, Т. Н. Соболева // Известия Алтайского государственного университета. – 2017. – № 2 (94). – С. 153–158. – DOI: 10.14258/izvasu(2017)2-25. – 0,7 / 0,6 п.л.

12. **Тяпкин М. О.** Характеристика самовольной порубки леса в исторической ретроспективе / М. О. Тяпкин, Е. В. Демчик // Известия Алтайского государственного университета. – 2017. – № 2 (94). – С. 145–152. – DOI: 10.14258/izvasu(2017)2-24. – 0,9 / 0,8 п.л.

13. **Тяпкин М. О.** Охрана лесов на юге Западной Сибири в первой половине 1918 г. / М. О. Тяпкин // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 417. – С. 169–175. – DOI: 10.17223/15617793/417/24. – 0,9 п.л. (*Web of Science*).

14. **Тяпкин М. О.** Система наказаний за нарушение законодательства об охране лесов от самовольных порубок в России в XVIII – первой половине XIX в. / М. О. Тяпкин // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2017. – № 1 (27). – С. 112–122. – 1 п.л.

15. **Тяпкин М. О.** Формирование лесной милиции в Западной Сибири в 1918–1919 гг. / М. О. Тяпкин // Проблемы социально-экономического развития Сибири. – 2017. – № 2 (28). – С. 132–138. – 0,6 п.л.

Монографии:

16. **Тяпкин М. О.** Охрана лесов Томской губернии во второй трети XIX – начале XX в. / М. О. Тяпкин. – Барнаул : Азбука, 2006. – 225 с. – 12 п.л.

17. **Тяпкин М. О.** Реализация функции государства по охране лесов в дореволюционный период : монография / М. О. Тяпкин. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2016. – 187 с. – 11,7 п.л.

Статьи в научных журналах:

18. **Тяпкин М. О.** Борьба с лесными пожарами в Томской губернии в середине XIX – начале XX в. / М. О. Тяпкин // Известия Алтайского государственного университета. – 2004. – № 4 (34). – С. 12–16. – 0,6 п.л.

19. **Тяпкин М. О.** Зарождение системы лесного законодательства и управления лесами в России в первой четверти XVIII в. / М. О. Тяпкин // Алтайский юридический вестник. – 2014. – № 4 (8). – С. 15–20. – 0,5 п.л.

20. **Тяпкин М. О.** Трансформации лесного законодательства и системы лесного управления Российской империи в 1725–1740 гг. / М. О. Тяпкин // Алтайский юридический вестник. – 2015. – № 1 (9). – С. 22–27. – 0,5 п.л.

21. **Тяпкин М. О.** Реализация государственной политики по охране лесов на Алтае в период революций и гражданской войны (1917–1919 гг.) / М. О. Тяпкин // Reosiahag. Journal of Institute for Russian and Altaic Studies, Chungbuk National University. – 2017. – № 2. – С. 205–223. – 1 п.л.

Статья в сборнике научных трудов:

22. **Тяпкин М. О.** Некоторые вопросы лесоохранной деятельности государства в дореволюционный период / М. О. Тяпкин // Региональное управление Сибирью в панораме веков : сборник научных статей. – Барнаул, 2008. – С. 91–111. – 1,1 п.л.

Публикации в сборниках материалов конференций:

23. **Тяпкин М. О.** Проблема собственности на леса Сибири (XX – XXI в.) / М. О. Тяпкин // Экономическая история Сибири XX века : материалы всероссийской научной конференции. Барнаул, 30 июня – 01 июля 2006 г. – Барнаул, 2006. – Ч. 3. – С. 252–266. – 0,85 п.л.

24. **Тяпкин М. О.** Проблемы оптимизации судопроизводства по делам о нарушениях Лесного устава в Алтайском округе в конце XIX – начале XX в. / М. О. Тяпкин // Правосудие как институт обеспечения прав и свобод человека и гражданина : сборник статей и тезисов международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Великий Новгород, 07–08 апреля 2006 г. – Великий Новгород, 2006. – С. 23–25. – 0,2 п.л.

25. **Тяпкин М. О.** Охрана частных лесов в дореволюционной России: постановка проблемы / М. О. Тяпкин // Ломоносов-2006 : материалы XIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 12–15 апреля 2006 г. – М., 2006. – Т. III. – С. 458–459. – 0,2 п.л.

26. **Тяпкин М. О.** Региональные особенности развития лесного хозяйства Томской губернии в дореволюционный период / М. О. Тяпкин // Актуальные вопросы истории Сибири : шестые научные чтения памяти профессора

А.П. Бородавкина : сборник трудов конференций. Барнаул, 05 октября 2007 – 06 октября 2006 г. – Барнаул, 2007. – Ч. 1. – С. 280–284. – 0,25 п.л.

27. **Тяпкин М. О.** Частная собственность на лесные ресурсы как потенциальная угроза экономической безопасности России / М. О. Тяпкин // Актуальные проблемы экономической безопасности в условиях современной России : материалы всероссийской научно-практической конференции. Оренбург, 26–27 апреля 2007 г. – Оренбург, 2008. – С. 207–215. – 0,4 п.л.

28. **Тяпкин М. О.** Актуальные проблемы права собственности на леса в современной России / М. О. Тяпкин // Экономическая история Сибири XX – начала XXI века : материалы II Всероссийской научной конференции. Барнаул, 27–28 июня 2009 г. – Барнаул, 2009. – С. 363–368. – 0,4 п.л.

29. **Тяпкин М. О.** Реализация лесоохранительного закона 1888 г. на территории Алтайского горного округа / М. О. Тяпкин // Актуальные вопросы истории Сибири : седьмые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина : сборник материалов научной конференции. Барнаул, 09–10 октября 2009 г. – Барнаул, 2009. – С. 153–154. – 0,2 п.л.

30. **Тяпкин М. О.** Охрана природных ресурсов государства в дореволюционный период (по материалам Западной Сибири) / М. О. Тяпкин // Наследие российской государственности : материалы международного круглого стола. – Барнаул, 2012. – С. 134–152. – 0,4 п.л.

31. **Тяпкин М. О.** Исторический опыт борьбы с лесными пожарами в Западной Сибири в дореволюционный период / М. О. Тяпкин // Добровольная пожарная охрана : истоки, проблемы, перспективы : материалы круглого стола. Санкт-Петербург, 17 мая 2012 г. – СПб., 2013. – С. 111–117. – 0,4 п.л.

32. **Тяпкин М. О.** Традиционное правовое сознание сибирского крестьянина / М. О. Тяпкин // Современные проблемы правопонимания и обеспечения прав человека : материалы межвузовской научно-практической онлайн-конференции. Барнаул, 08 декабря 2013 г. – Барнаул, 2013. – С. 121–123. – 0,2 п.л.

33. **Тяпкин М. О.** Лесное хозяйство Алтайского округа (Алтайской губернии) в период первой мировой войны / М. О. Тяпкин // Алтай и Первая мировая война : сборник материалов научно-практической конференции к 100-летию начала Первой мировой войны. Барнаул, 13–16 октября 2014 г. – Барнаул, 2014. – С. 181–189. – 0,5 п.л.

34. **Тяпкин М. О.** Преследование в судебном порядке нарушений Лесного устава: на примере Томской губернии (конец XIX – начало XX в.) / М. О. Тяпкин // 150-летие принятия земской и судебной реформ Александра II : сборник материалов международной научно-практической конференции. Уфа, 03 июля 2014 г. – Уфа, 2014. – С. 108–116. – 0,5 п.л.

35. **Тяпкин М. О.** Изменения в государственной лесной политике Российской империи в конце XVIII – начале XIX в. / М. О. Тяпкин // Актуальные вопросы истории Сибири : десятые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина : материалы конференции. Барнаул, 09–10 октября 2015 г. – Барнаул, 2015. – С. 25–26. – 0,2 п.л.

36. **Тяпкин М. О.** Эволюция лесного законодательства и системы управления лесами в Российской империи с 1725 г. до конца XVIII в. / М. О. Тяпкин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными

правонарушениями : материалы четырнадцатой международной научно-практической конференции. – Барнаул, 2016. – Ч. 2. – С. 275–276. – 0,1 п.л.

37. **Тяпкин М. О.** Некоторые особенности народного экологического и правового сознания в сфере лесопользования (на примере Сибирского региона) / М. О. Тяпкин // Традиционная народная культура как действенное средство патриотического воспитания и формирования межнациональных отношений : материалы всероссийской научно-практической конференции. Барнаул, 09–10 октября. – Барнаул, 2016. – С. 176–179. – 0,3 п.л.

38. **Тяпкин М. О.** Система наказаний за нарушение законов об охране лесов в первой четверти XVIII в. / М. О. Тяпкин // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями : материалы пятнадцатой международной научно-практической конференции. – Барнаул, 2017. – Ч. 2. – С. 263–264. – 0,2 п.л.

39. Шубин Д. А. История становления системы охраны и защиты лесов от пожаров в Алтайском крае и ее современная роль в формировании пожарной безопасности в лесах Российской Федерации / Д. А. Шубин, **М. О. Тяпкин** // Роль Алтайского края в экологическом каркасе Российской Федерации : сборник тезисов научно-практической конференции. Барнаул, 21 февраля 2017 г. – Барнаул, 2017. – С. 65–67. – 0,2 / 0,1 п.л.

40. **Тяпкин М. О.** Проект Положения о лесной милиции Томской губернии (1918 г.) / М. О. Тяпкин // Государство и право в эпоху глобальных перемен : материалы международной научно-практической конференции. Барнаул, 29 июня 2017 г. – Барнаул, 2017. – С. 72–74. – 0,2 п.л.

Сборники нормативных документов:

1. Природоохранная деятельность государства в Западной Сибири в дореволюционный период : сборник документов / сост. **М. О. Тяпкин**. – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2015. – 90 с. – 11,25 п.л.

2. Деятельность государства по охране лесов в 1917–1929 гг. : сборник документов [Электронный ресурс] / сост. **М. О. Тяпкин**. – Электрон. текст. дан. (1 DVD, 2,17 Мб). – Барнаул : Барнаульский юридический институт МВД России, 2017. – 19 п.л.

Подписано в печать 28.09.2017 г.
Формат А4/2. Ризография
Печ. л. 2,5. Тираж 100 экз. Заказ № 15–09/17
Отпечатано в ООО «Позитив-НБ»
634050 г. Томск, пр. Ленина 34а